
«МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ ПРИ РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Ван Синь, Чао Бинцин*

В статье рассматривается «мягкая сила» Китая, которая в эпоху глобализации и информационных технологий занимает все более важное место в определении национальной мощи и великодержавной конкуренции в мире. На основе методологического обобщения соответствующих исследований в статье дается оценка и сравнение «мягкой силы» Китая, когда во внимание принимаются следующие элементы национальной «мягкой силы»: культура, концепция мягкой силы в политической культуре, модель развития, международная система и национальный имидж. Будучи страной с богатой историей, Китай в значительной степени использует свою «мягкую силу» для продвижения и достижения устойчивого роста, опираясь на современные успехи правительства и цели, поставленные им на будущее. В итоге авторы приходят к выводу, что для увеличения своего международного влияния Китаю необходимо проводить более инициативную и активную внешнюю политику, чтобы закрепить в мировом общественном мнении свои достижения в области «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», Китай, внешний мир, глобализация, международное сообщество, международная система, различные страны.

CHINA'S "SOFT POWER" FOREIGN POLICY IN SOLVING GLOBAL CONTEMPORARY PROBLEMS

This article examines China's "soft power", which, in the era of globalization and information technology, has an increasingly important place in determining national power and great power competition in the world. Based on a methodological synthesis of relevant studies, this article evaluates and compares China's "soft power", taking into account the following elements of national soft power resources: culture, the concept of soft power in political culture, development model, international system and national image. As a country with a rich history, China has largely used its "soft power" to promote and achieve sustainable growth, rely-

* Ван Синь – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: wangxin1886@yandex.ru.

Wang Xin – postgraduate student of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: wangxin1886@yandex.ru.

Чао Бинцин – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: bingqing9528@yandex.ru.

Chao Bingqing – postgraduate student of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: bingqing9528@yandex.ru.

ing on the government's current achievements and the goals it has set for the future. At the same time, the authors conclude that to increase its international influence, China needs to pursue a more initiative and active foreign policy in the emerging global public opinion and discourse to consolidate its soft power achievements.

Keywords: "soft power", China, outside world, globalization, international community, international system, various countries.

По мере обретения Китаем более весомого статуса на мировой арене в центре международных отношений оказываются китайско-американские отношения, которые, вступая в новую эру, характеризуются стратегической конкуренцией.

Стратегическая конкуренция в эпоху глобализации и информационных технологий – это продвинутая форма великодержавной конкуренции, в которой соперничающие державы борются вокруг определенных и уникальных целей, а конкуренция представляет собой сочетание силы, парадигмы, культуры и статуса [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021]. Особая роль в подобном конкурентном противостоянии отводится уже не обычной военной мощи государств, а «мягкой силе». Эпоха китайско-американской стратегической конкуренции разворачивается на фоне быстрых изменений в соотношении сил между Китаем и США, вызванных подъемом первого [Ермакова 2021: 41–49]. Учитывая, что изменение баланса сил отражает изменение элементов, составляющих всеобъемлющую мощь страны, не только простое сравнение сил определяет отношения между крупными державами, но и составные части, и характер этой силы, которые будут напрямую определять восприятие власти каждой стороной. После торговой войны между США и Китаем американцы рассматривают КНР как своего главного конкурента в экономической и технологической областях, подчеркивая идеологическое противоречие между «свободным миром и коммунистическим Китаем», всячески навязывая последнему борьбу за изменения в международной системе. США продолжают использовать «права человека» в качестве предлога для того, чтобы поднять шум вокруг таких чувствительных вопросов, как суверенитет Китая, раздуть политические проблемы и проблемы безопасности в соседних с ним странах, а также распространить динамику разъединения на гуманитарный обмен между двумя государствами [Тумакова 2021: 190].

Помимо этого, США используют своих союзников, например Японию, в качестве сдерживающих элементов, навязывая КНР соперничество также с этими странами. При этом необходимо отметить, что динамика потенциального «мягкого» силового соперничества между Китаем и Японией заслуживает большего внимания как отражение борьбы за региональное лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Обе державы расширяют сферы своего влияния и воздействия с помощью инновационных подходов «мягкой силы». Однако инициативы Токио отличаются от инициатив Пекина в нескольких важных аспектах. К ним относятся степень приверженности доктринальным основам, заложенным Джозефом Найем, и то, рассматривается ли видение «мягкой силы» как конкурентный или совместный тип влияния. Совместное использование «мягкой силы» государ-

ствами может помочь в решении общих проблем, таких как изменение климата. Однако перспектива «нулевой суммы» может усугубить существующее соперничество великих держав, создав новую напряженность, культурную и политическую конкуренцию.

В конце концов «мягкая сила», вероятно, будет цениться так же высоко, как и ресурсы «жесткой силы». Джозеф Най предупреждал, что она по-прежнему является активной формой силы. Если легитимность рассматривается как реальность власти, то конкуренция за нее будет включать в себя усиление или лишение акторов «мягкой силы». Китайские лидеры, например, считают «мягкую силу» предметом прямой конкуренции между крупными державами [Будаев 2016: 119], утверждая, что культура становится все более важным фактором в соревновании за всеобъемлющую национальную мощь. И «мягкая сила» в культуре может быть не только односторонней, но и обоюдной, особенно тогда, когда различные страны оказывают влияние друг на друга [Чумаков 2014а]. Высокопоставленные японские чиновники также признают, что, несмотря на преимущества «мягкой силы», международная культурная конкуренция для Японии будет сложной.

Однако большинство исследователей, изучая «мягкую силу» отдельных стран и ее ограничения, редко уделяют внимание взаимосвязи между теорией и практикой и временному сдвигу в понимании концепции: отражает ли китайско-японская или китайско-американская политика, в которой часто присутствуют элементы «мягкой силы», теоретические идеи Дж. Ная? В какой степени торговые и дипломатические инструменты должны быть отображением и элементами «мягкой силы»? Новое увлечение ею породило больше путаницы, чем ясности [Ковалева 2013: 125] – это не только вопрос о том, сознательно ли политики разделяют точку зрения Ная, но и вопрос концептуальной строгости. Хотя о «мягкой силе» Китая и Японии часто говорят в сравнительном смысле, она нуждается в глубоком анализе. Утверждается, что более широкая сравнительная перспектива позволила бы понять, как эти две страны интерпретировали противоречивую теорию «мягкой силы» и применяли ее на практике. На методологическом уровне в данной работе анализируются существующие источники западных стран, Китая и Японии, посвященные концепции «мягкой силы» и дополненные анализом первичных документов, политических заявлений лидеров стран, знаковых выступлений и интервью дипломатов и деятелей культуры, которые связаны с практикой реализации политики «мягкой силы». Учитывая, что вопрос о том, как Министерство иностранных дел использует «мягкую силу», в полной мере проверяет гибкость дипломатов [Козлов 2012: 266], можно извлечь полезные политические уроки. Вопрос о том, как Китай и Япония используют «мягкую силу» на двусторонней основе для оказания влияния на соседние страны, является интересным.

Рост международного влияния Китая и усиление напряженности в отношениях между Китаем и США также предстают важными внешними факторами суверенных устремлений ЕС. В этой связи было высказано предположение, что Китай является катализатором стремления Европы к стратегической автономии и достижению суверенной Европы [Ломанов 2019: 165]. Действительно, фактор Китая в значительной степени проявляется в ряде политических корректировок и изме-

нений, принятых ЕС в рамках концепции «Суверенная Европа», модернизации инструментов торговой защиты, ускоренном принятии законодательства в рамках инвестиционного обзора, промышленной политики и координации политики 5G в масштабах всего ЕС. В настоящее время отношения Китая и ЕС все еще переживают важный переходный период, когда ЕС постоянно корректирует свою политику в отношении Китая в контексте своих суверенных европейских устремлений. Отношения КНР и ЕС демонстрируют двойственность и сложность: в то время как спрос на стратегическое сотрудничество между двумя сторонами растет, стратегическое взаимное доверие сталкивается с проблемами; экономические и торговые связи становятся все более тесными, потенциал сотрудничества увеличивается, но противоречия и трения значительно возрастают в условиях «институционального соперничества». Идеологические вопросы также вновь вышли на первый план в рамках позиционирования «институционального противника».

Позиционирование Китая как «институционального противника» привело к политизации и секьюритизации многих аспектов китайско-европейских отношений. Определение Евросоюзом Китая как институционального противника подразумевает взгляд «с нулевой суммой» на различные политические системы и ценности между Китаем и Европой. ЕС не верит, что различные системы могут сосуществовать и быть совместимы, и ставит институциональную конкуренцию во главу угла китайско-европейских отношений. Исходя из вышеизложенного, Евросоюз политизировал свою интерпретацию экономического поведения Китая, поднимая экономическую конкуренцию и трения до уровня институционального соперничества. Слияния и поглощение китайских компаний в Европе – это не просто погоня за прибылью, а долгосрочная цель национального развития и средство экспорта политического влияния на страны третьего мира [Зимин 2019]. Торговые и инвестиционные отношения также обусловлены поиском влияния, а многосторонние инициативы служат геостратегическим целям Китая [Горда 2021: 45–50]. Текущая тенденция секьюритизации дебатов в ЕС вокруг вопроса 5G и компании Huawei, введение ряда правил и ограничений в отношении так называемых государственных предприятий, акцент на контроль стратегической инфраструктуры, тревога по поводу так называемого принципа «разделяй и властвуй» и все более осторожная позиция в отношении китайско-европейского культурного обмена – все это часть «институционального противостояния».

Джозеф Най отмечает, что «хотя великие державы обладают грозными традиционными ресурсами власти, меняющаяся природа мировых политических проблем ослабила их способность контролировать свое окружение» [Men Honghua, Yu Yongqun 2021]. В результате в контексте стратегического соперничества конкуренция в области «мягкой силы» между Китаем и США стала более интенсивной. Международная ситуация и новые особенности стратегического соперничества между этими странами делают «мягкую силу» все более важным фактором в определении национальной мощи. А поскольку она изменила способы и направленность соперничества великих держав, то сравнение «мягкой силы» Китая и США перед лицом эпохи стратегической конкуренции имеет большое стратегическое значение. Так, если в будущем между этими двумя странами возникнет жестокое про-

тивостояние, у них останется только один способ избежать военного столкновения – всемерно использовать «мягкую силу» в отношениях друг с другом [Чумаков 2014б: 308].

Джозеф Най [Данилов, Стома 2021] сосредоточился на сравнении «мягкой силы» Китая и США. Он отмечает, что хотя прогресс КНР в области «мягкой силы» нельзя игнорировать, а неспособность США адекватно отреагировать на эпидемию действительно подорвала их собственную «мягкую силу», Китай все еще остается относительно слабым оппонентом. В то же время он неоднократно подчеркивал, что отношения между Китаем и США – это конкуренция, и что конкуренция в области «мягкой силы» – это не игра с «нулевой суммой». Начиная с противоречия между целью Китая усовершенствовать свою культурную «мягкую силу» и стратегией «умной силы», сравнение «мягкой силы» КНР и США становится все более актуальной и популярной темой исследований в академическом сообществе, и эти дискуссии обеспечивают богатую исследовательскую перспективу.

Джозеф Най не ставит знак равенства между «мягкой силой» и влиянием; для него это способность привлекать союзников не с помощью военной силы, экономического давления или материальных побуждений, а путем убеждения и аргументации. Най уточняет свое определение «мягкой силы» – это не просто влияние, основанное на военной мощи или, например, экономическом давлении, а нечто большее, способность добиваться желаемого на добровольных основах [Асеев 2019]. Теории «мягкой силы» созрели в ходе конкретного обсуждения ее использования. Дж. Най также систематически разрабатывает компоненты и практические функции «умной силы», утверждая, что для обеспечения эффективности «мягкой силы» необходима разумная стратегия, сочетающая в себе «жесткий» и «мягкий» ее варианты [Русакова, Ковалева 2013]. Процесс построения теории Дж. Ная отражает его меняющееся понимание природы власти, которая, в отличие от доминирующей природы мягкой власти, сосредоточена на привлечении, вдохновении, ассимиляции и регулировании.

Основываясь на определении Дж. Ная, ученые исследовали и расширили понятие «мягкой силы» с точки зрения элементов ресурсов и способов трансформации. Общепринято, что когда нематериальные «мягкие ресурсы», такие как культура, идеи и институты, используются для оказания влияния на других, результатом является «мягкая сила», а когда используются материальные «жесткие ресурсы», такие как экономические, военные и природные, – «жесткая». Впрочем, некоторые ученые предполагают, что «мягкий» и «жесткий» аспекты власти в международной политике – это относительное восприятие, и что один и тот же силовой ресурс может быть выражен как «мягкой», так и «жесткой силой» [Ефанова 2018]. С этой точки зрения ресурсы, которые могут быть использованы для «мягкой силы», приобретают разнообразие, расширяясь от культурных и политических до экономических и военных аспектов, подчеркивают мягкое использование ресурсов «жесткой силы», что приводит к культурной, экономической, военной «мягкой силе» и т. д. «Мягкая сила» должна генерироваться как «мягкими ресурсами», так и «мягким использованием» [Братерский, Скриба 2014]. Путь трансформации «жестких ресурсов» – это непринудительные средства. Например, иностранная экономическая помощь сама по себе не порождает «мягкую силу»,

но трансформируется в нее через модель экономического развития и положительный национальный имидж.

Измерение и оценка «мягкой силы» всегда были актуальной темой для исследований, в том числе проводились количественные исследования, предоставляющие конкретные цифры. Например, в России («Сколково» – Институт E&Y) в 2010 г. провели оценку 14 стран, таких как Китай, США, Великобритания и Франция, исходя из количества высокорейтинговых университетов, количества иммигрантов, прибывающих туристов, экспорта медиапродукции, выбросов углекислого газа и уровня участия избирателей. Наконец, была рассчитана оценка мягкой силы: США набрали 87 баллов, получив первое место, а Китай – 30,7 балла, заняв восьмое место [Jiang Yingzhou 2014: 268].

В США организация Portland Communication с 2015 г. провела три исследования «мягкой силы» и объявила рейтинг «Softpower – 30». Ее оценка включала шесть позиций: культура, цифровизация, образование, дипломатия, предпринимательство, правительство – и была основана примерно на 70 показателях. В 2015 г. Великобритания заняла первое место с оценкой 75,61; Германия – второе место с оценкой 73,89; Япония получила 66,86 балла, заняв восьмое место. При этом ее «мягкая сила» была признана самой эффективной среди неевропейских и южноамериканских стран. Южная Корея заняла 20-е место с 54,32 балла, а Китай получил всего 40,85 балла, оказавшись в данном рейтинге на последнем, 30-м месте. В 2016 г. в топ-30 по рейтингу мягкой силы первое место заняли США, получив 77,96 балла, тогда как Китай поднялся на более высокую позицию, чем в предыдущем году, набрав 45,04 балла. Согласно итогам исследования 2017 г., первое место заняла уже Франция с 75,5 балла, а результат Китая составил 50 баллов [You Guolong 2017: 18–26].

Статистические данные этих институтов и оценочное количество стран немного различаются, но опубликованные результаты оценки мягкой силы дают основания сделать некоторые общие выводы, которые в определенной степени и в определенном диапазоне можно привести в качестве эталона. Во-первых, развитые страны Европы и США значительно опережают незападные государства в рейтинге «мягкой силы». США, Великобритания и Франция по очереди занимают первое место, и они принадлежат к сильнейшим в мире игрокам, обладающим «мягкой силой». В то же время оценка параметров «мягкой силы» Китая очень низкая, поскольку осуществляется в основном по критериям западных стандартов (Portland Communication), а потому не является достаточно объективной. К тому же множество значимых показателей Китая были проигнорированы.

Некоторые зарубежные ученые [Цзиньлун 2021] классифицировали «мягкую силу» по пяти параметрам: экономический, культурный, политический, дипломатический, человеческий капитал, и создали индекс для ее измерения. Но важно подчеркнуть, что культура, восприятие, модель развития, международная система отношений и международный имидж могут быть определены как основные элементы «мягкой силы» Китая, и оценка каждого из этих пяти основных элементов может быть реализована на основе сочетания исторических и международных

сравнений [Men Honghua 2007]. Поэтому проводить измерение в исследовании мягкой силы Китая нужно прежде всего с точки зрения китайской культуры. Китайская еда, китайская кунг-фу, китайская традиционная медицина – этого не встретишь в других странах в числе элементов системы их ценностей. Некоторые из традиционных ценностей Китая являются универсальными, то есть их можно увидеть и в других странах: это, например, сострадание, дружба и взаимопомощь между людьми.

Крупномасштабные опросы более эффективны для понимания «мягкой силы» этой страны. Например, исследовательская группа Пекинского университета проводила опросы общественного мнения по всему миру «Обзор китайских культурных впечатлений, любите ли вы Китай». Так, в 2014 г. эта группа с помощью агентства «Survey Sampling International» провела опрос 48 643 респондентов в 44 странах, и результаты показали, что 49 % из них понравился Китай, а 32 %, наоборот, дали отрицательный ответ. В это исследование был также включен сравнительный опрос, согласно которому те, кому нравятся США, составили 49 %, а те, кому нравится Китай, – 47 %. При этом те, кому не нравятся Соединенные Штаты, составили 39 %, а Китай по этой позиции получил 37 %. Другими словами, популярность Китая сравнима с популярностью США [Zhongguo... 2018].

Можно объединить самовосприятие Китая и США и их восприятие международным сообществом, чтобы отразить состояние «мягкой силы» в Китае и США, сравнивая их различное понимание атрибутов «мягкой силы» и выбор политики, а также данные международных социологических опросов [Fang Changping 2007]. В этой связи прослеживается использование «мягкой силы» в Китае и США в современной истории и проводится качественное сравнение между этими двумя странами по четырем аспектам: коннотация мягкой силы; ресурсы, используемые для ее построения; способ ее построения и создание инструментов ее реализации [Ли Минфу 2015]. Джозеф Най предложил два способа измерения власти: ресурсы, а также потенциал и влияние на результаты [Hu Jian 2018: 22]. В этом заключается важное условие эффективности «мягкой силы», а именно навыки субъектов при использовании ресурсов, эффективность использования ресурсов и результаты их преобразования.

Все вышеперечисленные оценки сосредоточены на анализе различных элементов «мягкой силы» и используют различные ресурсы или критерии измерения, основанные на том или ином ее понимании. Это, с одной стороны, дает перспективу более адекватной оценки «мягкой силы», но, с другой, – и сильно различающиеся результаты оценки. Во-первых, некоторые показатели не отражают напрямую «мягкую силу», например количество иностранных туристов, абонентов широкополосной связи. Во-вторых, различные стандарты используемых данных приводят к отсутствию объективности. Так, например, зарубежные страны в своей статистике социальных программ используют Facebook и Twitter, в то время как Китай использует в основном WeChat и Weibo [Наумов 2021]. Наконец, принудительное применение универсальных стандартов при сравнении разных стран игнорирует особенности каждой страны. В данной работе утверждается, что ко-

личественно измерить «мягкую силу» сложнее, чем «жесткую», и что более эффективным способом является определение ее масштабов, что требует установления конкретных эталонов. В этой связи предлагается аналитическая схема для измерения «мягкой силы». Речь идет о ее ресурсах (источниках), способах (процессах) их применения и восприятию теми, кому адресована «мягкая сила» (результатах). При этом ресурсы являются ядром, их трансформация – ключевым процессом, а восприятие международным сообществом – необходимым фактором измерения.

Также необходимо определить основные параметры международной конкуренции в контексте века больших перемен, как и то, какие ресурсы являются главными для построения «мягкой силы». Чтобы концепция «мягкой силы» не была слишком расплывчатой, в данной работе не используются материальные силовые ресурсы, такие как военная и экономическая мощь. Учитывая резкие изменения в китайско-американских отношениях и драматическое воздействие новой эпидемии на международное сообщество, стратегически более важно в качестве основных ресурсов «мягкой силы» рассматривать такие элементы, как культура, восприятие, международные институты, модели развития и национальные образы. При этом важно отметить, что «мягкая сила» является производной от ресурсов и их использования, а стратегические действия государства зависят от степени трансформации ресурсов в «мягкую силу». При этом использование таких ресурсов не должно быть принудительным, поскольку обусловленный теми или иными требованиями экспорт любых ценностей во внешний мир не соответствует категории «мягкой силы». Наконец, «мягкая сила» должна быть привлекательной и притягательной, что отражается в реакции международного сообщества на распространение культуры и идей соответствующей страны, а также в оценке ее национального имиджа.

Американская концепция «мягкой силы» имеет большое влияние в международном сообществе, но подход администрации Д. Трампа «Америка прежде всего» ослабил ее. Во-первых, популизм привел к трансформации американской политической культуры от достижения консенсуса к поляризации. Это усугубило раскол между элитой и массами. Притом широкая общественность становится все более поляризованной в условиях острой политической борьбы между двумя партиями, что ведет к ускоренному расколу в общественной идеологии и ценностях. Путаница и фрагментация внутреннего восприятия в США вызвала ряд политических и социальных проблем, подрывающих внутреннюю основу их «мягкой силы». Во-вторых, на внешнеполитическом уровне односторонние и эгоистичные действия Соединенных Штатов нанесли большой ущерб их международному авторитету. Это усилило торговые конфликты с другими странами и углубило враждебность и сопротивление многих государств по отношению к США [Литвинов 2020: 42–49]. Показатели страны в международных опросах резко упали. Отказ взять на себя ответственность великой державы и негативный подход к международному сотрудничеству значительно ослабили «мягкую силу» США на международном уровне. Руководствуясь изменением восприятия, Китай сумел адаптировать внутренние реформы, развитие и стабильность, а его позитивные

внешние действия получили широкую оценку международного сообщества. С 2017 г. концепция «Сообщества единой судьбы человечества» была закреплена в ряде резолюций и документов ООН на разных уровнях, демонстрируя, что китайская концепция и китайские решения постепенно принимаются международным сообществом. В 2020 г. международное сообщество высоко оценило противоземпидемические действия Китая. КНР также получила высокую оценку за оказание помощи другим странам и развитие международного сотрудничества в области борьбы с эпидемией, демонстрируя позицию ответственной державы. Однако, поскольку в настоящее время в международном сообществе доминируют концепции западного образца, неизбежно возникает противоречие между концепциями «Мы» и «Другие», и даже неверное их толкование, что является проблемой для Китая. Осознание и признание китайских концепций на международной арене еще не укрепилось и нуждается в большем количестве фактов для закрепления, а также для получения права выступать в их защиту. Более того, если эмоциональный и радикальный патриотизм не будет должным образом подавлен, пострадают не только внутривластная стабильность и порядок в Китае, но и имидж национального характера, и даже внешняя политика правительства.

Подводя итог, можно сказать, что лозунг «Америка прежде всего» и понятие «Сообщества единой судьбы человечества» отражают разницу между узкой концепцией национальных интересов и идеей общего блага. Концепция «Америка прежде всего» – это подрыв либерального международного порядка, но она является прерогативой гегемонов и политики власти. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» придает процессу концептуальных изменений высшую ценность и достигает стратегического выхода за пределы западной гегемонистской теории с точки зрения идеологии. В эпоху комплексной взаимозависимости национальные стратегии, исходящие из понятия общих интересов, способствуют укреплению «мягкой силы», в то время как национальные стратегии, основанные на лицемерии, высокомерии или узких представлениях о национальных интересах, ослабляют ее.

Принимая во внимание исключительную роль культуры, Китай должен полностью преобразовать свои культурные ресурсы в «мягкую силу» на основе культурного доверия, а также продвигать инклюзивность китайской культуры и ее толерантность. Также нужно способствовать модернизации традиционной китайской культуры, задействовать побочный эффект культурного доверия и развивать привлекательность и влияние современной китайской популярной культуры. В то же время КНР меняет статус-кво всеобщего развития, продвигает культурные продукты и услуги с китайской спецификой на мировой рынок, повышает роль неправительственных сил, стимулирует огромный потенциал частного капитала и увеличивает возможности распространения культуры и инноваций.

Обращаясь к понятию «мягкой силы» в культуре, А. Н. Чумаков отмечает, что культурный обмен и взаимное обучение, а также совершенствование взаимодействия на основе «мягкой силы» являются важной движущей силой для обеспечения мира и развития [Чумаков 2014а: 195]. Он также подчеркивает, что использование «мягкой силы» в решении глобальных проблем, и прежде всего в области

культурных отношений, является к тому же и самым гуманным, и наиболее эффективным, если смотреть с точки зрения перспективы решения сложных задач и обеспечения мирного сосуществования различных стран и народов [Чумаков 2014б: 308].

С концептуальной точки зрения, чтобы содействовать позитивным изменениям, следует повысить осведомленность и признание китайских концепций в международном контексте. Китай должен и впредь принимать новую концепцию развития в качестве руководства и реализовывать ее в процессе экономического и социального развития. Следует также развивать новые международные отношения и продвигать концепцию «Сообщества единой судьбы человечества». А практическими действиями и активным обсуждением нужно способствовать формированию общей ценностной ориентации и активно популяризировать основные социалистические ценности. В то же время Китай должен научить свой народ найти баланс между патриотическими чувствами и разумным самовыражением, а также мирно и толерантно воспринимать себя и внешний мир.

С точки зрения международной системы, Китаю необходимо активно интегрироваться в существующую международную систему, участвовать в ее реформировании и совершенствовании, стремиться к расширению консенсуса с развивающимися и западными странами, чтобы больше государств приняли идеи Китая и сформировали благотворную ситуацию конкуренции между системами крупных держав.

С точки зрения модели развития, Китай сейчас находится на этапе, когда путь к социализму с особыми характеристиками постоянно обновляется и расширяется, и ему необходимо продолжать придерживаться мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры в качестве своего ориентира. В этой связи важно твердо установить и постоянно укреплять эти «четыре сознания», которые подразумевают: политическое сознание, сознание интересов целого, сознание ядра и сознание равенства (то есть четкое представление того, что такое ядро коммунистической партии, и понимание необходимости равенства на ЦК КПК). При этом правительство должно продолжать руководствоваться социалистической мыслью с китайской спецификой для новой эпохи [«Четыре...» 2018].

Внутри страны формируются разумные и стабильные отношения между государством и рынком, государством и обществом, совершенствуются и развивается социализм с китайской спецификой, идет модернизация национальной системы управления и потенциала управления. На внешнеполитическом уровне еще больше укрепляется связь между Китаем и миром, вносятся предложения по улучшению общественного благосостояния в мире, обогащаются средства и коннотации глобального управления, предлагаются китайские варианты решения глобальных проблем, расширяется влияние и привлекательность китайской модели развития [Дегтерев и др. 2021: 210–231].

Вспышка новой эпидемии поставила перед всем миром беспрецедентные экономические, политические, социальные и интеграционные проблемы, которые Ангела Меркель назвала самым серьезным вызовом, стоящим перед Европой со времен Второй мировой войны. Отсутствие медицинских препаратов, обычная эгоистичная политика США и конфликт между Америкой и Китаем по поводу

происхождения вируса усилили опасения Евросоюза относительно геополитических игр и стратегической зависимости от внешних рынков, углубив чувство суверенности Европы.

Текущие дебаты об автономности промышленных цепочек ЕС, дебаты о нарративах и институциональных моделях, внедрение инициатив по защите стратегических отраслей промышленности и акцент на защите европейских интересов и ценностей с помощью европейского подхода – все это четко представляет идею Евросоюза о суверенной Европе. В контексте эпидемии ЕС предлагает защитить европейский суверенитет в шести областях: это снижение внешней зависимости, предотвращение контроля внешних сил над стратегическими активами Европы, защита критической инфраструктуры от кибератак, обеспечение безопасности промышленных цепочек, укрепление нормативной власти Европы и демонстрация лидерства на многосторонней основе. С другой стороны, опасения ЕС в отношении КНР явно растут, включая развязывание эпидемии Китаем с целью получения геополитического преимущества.

Концепция «мягкой силы» является для КНР важным способом преодоления парадокса подъема великой державы, неизбежным требованием для следования по пути мирного развития и реалистичным выбором для воплощения идеалов страны, общества и мира [Бастрыкина 2021]. В будущем Китаю для укрепления международных отношений необходимо развивать потенциал «мягкой силы» в соответствии с требованиями времени. При этом важно в полной мере использовать сильные и компенсировать слабые стороны «мягкой силы», рассматривая ее в контексте возможного применения «жесткой силы». Следует также различными способами трансформировать богатые ресурсы Китая в «мягкую силу» в интересах дальнейшего усиления международного влияния и привлекательности страны.

Литература

Асеев А. Д. Шишков В. В. Империя в зеркале геополитики // Управление. 2019. № 7(1). С. 121–127.

Бастрыкина Е. А. Использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике КНР // Амурский научный вестник. 2021. № 1. С. 4–11.

Братерский М., Скриба А. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 9(2). С. 130–144.

Будаев А. В. Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 106–129.

Горда О. С. Внешнеэкономическая экспансия КНР в развивающиеся страны // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 45–50.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Глобализм против американизма. Часть вторая. Глобализм и будущее США и мира // История и современность. 2021. № 3(41). С. 3–53.

Данилов И. Л., Стома В. Р. «Мягкая сила» Китая // Студенческий форум. 2021. № 22(1). С. 42–46.

Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.

Ермакова А. Н. «Мягкая сила» как комплекс инструментов современной внешней политики КНР // Теории и проблемы политических исследований. 2021. № 10(4А). С. 41–49.

Ефанова Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. № 3. С. 417–426.

Зимин В. В. Слияния и поглощения в финансовом секторе Китая на современном этапе // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. № 6. С. 42–54.

Ковалева Д. М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Антиномии. 2013. № 1. С. 118–132.

Козлов Л. Е. Применение культурных инструментов в современной внешнеполитической практике // Вестник ЧелГУ. 2012. № 12.

Ломанов А. В. Отношения Китая и ЕС: между сотрудничеством и соперничеством. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2019. № 24. С. 158–172.

Ли Минфу. Использование «мягкой силы» в отношениях Китая и США // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 160–165.

Литвинов Е. А. Перспективы и возможные последствия торговой войны США и Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 10. С. 42–49.

Наумов А. О. Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 223–229.

Русакова О. Ф., Ковалева Д. М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. 2013. № 3(41). С. 15–19.

Тумакова В. М. Обзор статьи М. Флигеля и З. Криза «Мягкая сила по-пекински: концептуализация, отличная от американской» // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 3. С. 186–194.

Цзиньлун Го. Приоритетные направления внешней политики КНР в 2020–2021 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. 2021. № 9. С. 10–26.

«Четыре сознания» [Электронный ресурс] : Реформы и открытость. 2018. URL: russian.china.org.cn.

Чумаков А. Н. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014а. № 2(14). С. 192–195.

Чумаков А. Н. Философия как «мягкая сила»: поучительный опыт Китая // Успехи и проблемы модернизации современного Китая: сборник тезисов докладов участников III Международной научно-практической конференции «Успехи и проблемы модернизации современного Китая» (Москва, 10–11 дек. 2014) / под ред. Р. М. Нуреева, С. А. Просокова. М. : Финансовый ун-т, 2014б.

Fang Changping. Comparison of Chinese and US Soft Power and its Implications for China // *Shijie Jin Yu Zhengzhi*. 2007. Pp. 287–308.

Hu Jian. *Zhongguo Ruanshili Yanjiu*. N. p. : Tianjin Peoples Fine Arts Publishing House, 2018.

Jiang Yingzhou. Skolkovo— E&Y Institute Xinxing Shichang Yanjiusuo Guojia Ruanshili Paihang // *Jiyu Zhengzhi Wenhua Shijiao De Zhongguo Guojai Ruanshili Jianshe Yanjiu*. Beijing : China Social Sciences Press. 2014. Ch. 5.

Men Honghua. *Zhongguo Ruan Shili Pinggu Baogao* // *Guoji guan cha*. 2007. Pp. 2–3.

Men Honghua, Yu Yongqun. *Zhongmei Ruanshili Bijiao (2017–2020)* // *Guoji Guanxi Yanjiu*. 2021. No. 4. Pp. 3–31.

You Guolong. *Ruanshili Pinggu Lujing Yu Zhongguo Ruanshili De Xiyin* // *Xiandai Guoji Guanxi*. 2017. No. 9. Pp. 18–26.

Zhongguo Guojia Xingxiang Quanqiu Bogao. International Communication Research Center, Institute of Contemporary China and the World, 2018.

References

Aseev A. D. Shishkov V. V. Imperiya v zerkale geopolitiki [Empire in the Mirror of Geopolitics] // *Upravleniye*. No. 1. Pp. 121–127.

Bastrykina E. A. Ispol'zovaniye instrumentov “myagkoy sily” vo vneshney politike KNR [Using Soft Power Tools in the Foreign Policy of China] // *Amurskiy nauchnyy vestnik*. 2021. No. 1. Pp. 4–11.

Braterskiy M., Skriba A. Kontseptsiya “myagkoy sily” vo vneshnepoliticheskoy strategii CSHA [The Concept of “Soft Power” in US Foreign Policy Strategy] // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*. 2014. No. 9(2). Pp. 130–144.

Budayev A. V. Svetlyye i temnyye storony “myagkoy sily” Kitaya [Bright and Dark Sides of China's “Soft power”] // *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 2016. No. 54. Pp. 106–129.

Gorda O. S. Vneshneekonomicheskaya ekspansiya KNR v razvivayushchiesya strany [China's Foreign Economic Expansion into Developing Countries] // *Bol'shaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 2021. No. 4(1). Pp. 45–50.

Grinin L. E., Grinin A. L. Globalizm protiv amerikanizma [Globalism vs Americanism]. Part two. Globalizm i budushcheye SSHA i mira [Globalism and the Future of the USA and the World] // *Istoriya i sovremennost'*. 2021. No. 3(41). Pp. 3–53.

Danilov I. L., Stoma V. R. “Myagkaya sila” Kitaya [“Soft Power” of China] // *Studencheskiy forum*. 2021. No. 22(1). Pp. 42–46.

Degterev D. A., Ramich M. S., Tsvyk A. V. SSHA-KNR: “vlastnyy transit” i kontury “konfliktnoy bipolyarnosti” [USA – China: “Power Transit” and Contours of “Conflict Bipolarity”] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Series: *Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2021. Vol. 21. No. 2. Pp. 210–231.

Ermakova A. N. “Myagkaya sila” kak kompleks instrumentov sovremennoy vneshney politiki KNR [“Soft Power” as a Set of Tools of Modern Foreign Policy of the PRC] // *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2021. No. 10(4A). Pp. 41–49.

Efanova E. V. Instrumenty “myagkoy sily” vo vneshney politike gosudarstva [Instruments of “Soft Power” in the Foreign Policy of State] // Vestnik RUDN. Series: Politologiya. 2018. No. 3. Pp. 417–426.

Zimin V. V. Sliyaniya i pogloshcheniya v finansovom sektore Kitaya na sovremennom etape [Mergers and Acquisitions in the Financial Sector of China at the Present Stage] // Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2019. No. 6. Pp. 42–54.

Kovaleva D. M. Kontsept Soft Power kak predmet izucheniya sovremennoy politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskikh strategiy [The Concept of Soft Power as a Subject of Study of Modern Political Science and the Theoretical Basis of Foreign Policy Strategies] // Antinomii. 2013. No. 1. Pp. 118–132.

Kozlov L. E. Primeneniye kul'turnykh instrumentov v sovremennoy vneshnepoliticheskoy praktike [Using of Cultural Tools in Modern Foreign Policy Practice] // Vestnik ChelGU. 2012. No. 12.

Lomanov A. V. Otnosheniya Kitaya i ES: mezhdru sotrudnichestvom i sopernichestvom [China-EU Relations: Between Cooperation and Rivalry] // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. 2019. No. 24. Pp. 158–172.

Li Mingfu. Ispol'zovaniye “myagkoy sily” v otnosheniyakh Kitaya i SSHA [Using “Soft Power” in China-US Relations] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. No. 21. Pp. 160–165.

Litvinov E. A. Perspektivy i vozmozhnyye posledstviya torgovoy voyny SSHA i Kitaya [Prospects and Possible Consequences of the US-China Trade War] // Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik. 2020. No. 10. Pp. 42–49.

Naumov A. O. Ideyno-politicheskiye istoki kontseptsii “myagkoy sily” Dzhozefa Naya [Ideological and Political Origins of the Concept of “Soft Power” by Joseph Nye] // Novaya i noveyshaya istoriya. 2021. No. 1. Pp. 223–229.

Rusakova O. F., Kovaleva D. M. “Myagkaya sila” i “umnaya vlast’”: kontseptual'nyy analiz [“Soft Power” and “Smart Power”: Conceptual Analysis] // Sotsium i vlast'. 2013. No. 3(41). Pp. 15–19.

Tumakova V. M. Obzor stat'i M. Fligelya i Z. Kriza «Myagkaya sila po-pekinski: kontseptualizatsiya, otlichnaya ot amerikanskoy» [Review of the Article by M. Fligel and Z. Kriz “Beijing-Style Soft Power: Conceptualization, Different From the American One”] // Diskurs-Pi. 2021. Vol. 18. No. 3. Pp. 186–194.

Jinlong Guo. Prioritetnyye napravleniya vneshney politiki KNR v 2020–2021 gg. [Priority Directions of China's Foreign Policy in 2020–2021] // Aktual'nyye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy i global'nogo razvitiya. 2021. No. 9. Pp. 10–26.

“Chetyre soznaniya” [“Four Consciousnesses”] // Reformy i otkrytost'. 2018. URL: russian.china.org.cn.

Chumakov A. N. “Myagkaya sila” kak sposob resheniya problem v global'nom mire [“Soft Power” as a Way of Solving Problems in a Global World] // Vek globalizatsii. 2014a. No. 2(14). Pp. 192–195.

Chumakov A. N. Filosofiya kak “myagkaya sila”: pouchitel'nyy opyt Kitaya [Philosophy as a “Soft Power”: The Instructive Experience of China] // Successes and Problems of Modernization in Contemporary China: Collection of Participants' Papers of the Third In-

ternational Scientific-Practical Conference “Successes and Problems of Modernization in Contemporary China” (Moscow, December 10–11, 2014). / ed. by R. M. Nureyev, S. A. Prosekov. Moscow : Financial University, 2014b.

Fang Changping. Comparison of Chinese and US Soft Power and its Implications for China // *Shijie Jin Yu Zhengzhi*. 2007. Pp. 287–308.

Hu Jian. *Zhongguo Ruanshili Yanjiu*. N. p. : Tianjin Peoples Fine Arts Publishing House, 2018.

Jiang Yingzhou. Skolkovo — E&Y Institute Xinxing Shichang Yanjiusuo Guojia Ruanshili Paihang // *Jiyu Zhengzhi Wenhua Shijiao De Zhongguo Guojai Ruanshili Jianshe Yanjiu*. Beijing : China Social Sciences Press, 2014. Ch. 5.

Men Honghua. *Zhongguo Ruan Shili Pinggu Baogao* // *Guoji Guanxia*. 2007. Pp. 2–3.

Men Honghua, Yu Yongqun. *Zhongmei Ruanshili Bijiao (2017–2020)* // *Guoji Guanxi Yanjiu*. 2021. No. 4. Pp. 3–31.

You Guolong. *Ruanshili Pinggu Lujing Yu Zhongguo Ruanshili De Xiyin* // *Xiandai Guoji Guanxi*. 2017. No. 9. Pp. 18–26.

Zhongguo Guojia Xingxiang Quanqiu Bogao. International Communication Research Center, Institute of Contemporary China and the World, 2018.